

ТРУБАЧЕВ О. Н.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН. V *

Самоназвание и самосознание

При всем множестве вопросов, встающих перед языкознанием, когда оно поднимает проблему этногенеза славян, главнейшие из них, бесспорно, — те, которые интересуют не одних только лингвистов, но и самую широкую общественность, имея в виду прежде всего сами славянские народы, для которых, для их нынешнего национального самосознания не безразлично, откуда — в глубокой древности — появились и кто такие первоначально были славяне.

И хотя все согласны в том, что эти вопросы из области истории явления требуют ответов в историческом духе, все же случается, что при этом картину исторической эволюции подменяют исторической тавтологией, а реконструкцию отношений неоправданной транспозицией, переносом нынешних отношений в исследуемое прошлое. Тогда искомое — история явления — остается нераскрытым, поэтому, как и прежде, важно различать между историзмом фактическим и декларативным. Последовательный историзм помогает понять, что многие самоочевидные современные явления не изначальны, но занимают лишь свое место в исторической эволюции.

Так, привычное деление славян (и их языков) на восточных, западных и южных — лишь продукт длительной и непрямолинейной перегруппировки более древних племен и их диалектов. Иордан (VI в.) знает славян под тремя именами — венедов, склавен и антов, и некоторые современные ученые соблазнились совпадением этой древней тройственности названий и современного тройственного членения славянства [1]. Но на самом деле было иначе. Ни венеды, ни анты не были никогда с а м о н а з в а н и я м и славян и первоначально обозначали другие народы на славянских перифериях (венеды/венеты — на северо-западе, анты — на юго-востоке) и лишь вторично были перенесены на славян в языках третьих народов (*венеды* — в языках германцев, *анты* — в языках индоиранских этносов Юго-Востока). Другое дело — *склавины* Иордана (в византийской традиции — *склавины*, современное русское *славяне* и т. д.), общее самоназвание славянских племен и народов. Таким образом, большое значение имеет проблематика древнего самоназвания (а через его посредство и самосознания), проблематика в своей сущности лингвистическая.

О том, что в этой области остается преодолеть еще немало устоявшихся прямолинейных воззрений, мешающих правильному видению проблемы, мы уже писали в предыдущих частях своей серии по этногенезу. Сюда относится и пресловутое молчание о славянах античных источников. На таких фактах и неправильном их истолковании возникали своеобразные научные мифы, — сначала миф о том, что, следовательно, славян не было вообще в тогдашней Европе (против чего одним из первых мужественно боролся П. И. Шафарик) или, по крайней мере, в поле зрения античной, греко-римской ойкумены. Дальнейшим научным мифом оказывается принимаемое отдельными этнологами и этнографами и по сей день обязательное одновременное появление этноса и этнонима. Здесь мы вступаем в область общих этноисторических категорий, которые затрагивают не одних

* За этюды I, II, III, IV этой серии предлагается считать соответственно части статьи «Языкознание и этногенез славян», опубликованные в ВЯ, 1982 — № 4 (I) и № 5 (II); ВЯ, 1984 — № 2 (III) и № 3 (IV).

только славян. Приходится настойчиво напоминать, что этноним — категория историческая, как и сам этнос, что появляется он не сразу, чему предшествует длительный период, когда народ, племя в сущности себя никак не называют, прибегая к нарицательной самоидентификации «мы», «свои», «наши», «люди (вообще)». Кстати, такая идентификация очень удобна и применима как оппозитивная в случаях типа «свой» — «чужие». Что касается «своих», то можно, как известно, привести ряд примеров, когда этнонимы обнаруживают именно эту этимологическую внутреннюю форму: *шаеды* (*свеи*), *шабы* (*свебы*). Чужих, иноплеменных оказалось удобным и естественным обозначать как «невнятно бормочущих», а также — с некоторым преувеличением — как «немых». Ясно в таком случае, что «своих» объединяла в первую очередь взаимопонятность речи, откуда правильная и едва ли не самая старая этимология имени *славяне* — от *слать*, *слову/слыву* в значении «слышаться, быть понятным». Только неучетом излагаемых исторических и социолингвистических аспектов можно извинить появление до недавнего времени этимологий имени всех славян из первоначального «жители влажных долин» [см. 2].

Такая этимология столь же неудачна, как и формально правильная и весьма популярная этимологизация Розадовского — Будимира: **slověne* < «жители по реке Slova». Никакими балтийскими аналогиями, поисками гидронимов и апелляциями к поэтическому эпитету Днепра — *Словутич* — не удается сейчас оградить эти остроумные версии от критики.

Знакома однажды со своими соображениями на этот счет своих коллег, я вдруг отчетливо уяснил, что с определенного момента эти сюжеты воспринимаются как бы на веру — как результаты глубинной реконструкции, этимологизации. Аудитория, состоящая из лиц русской языковой и национальной принадлежности, видит эту ситуацию слишком абстрактно, т. е. как бы не до конца, поскольку на практике мы не сталкиваемся со случаями существования народов без названий и с вынужденной идентификацией «мы», «свои», «наши». Когда меня попросили разъяснить на экзотических примерах, то, наверное, полагали, что подобная архаическая стадия, если и сохранилась, то скорее где-нибудь у туземных племен Центральной или Южной Америки. А между тем («Не по што ходить в Персьиду, а то дома Вавилонъ», как сказал протопоп Аввакум) достаточно внимательного взгляда на языковое и этническое положение в нынешней Югославии, и перед нами, *mutatis mutandis*, всплывет аналогичная ситуация с потенциальным отсутствием этнонима. Разумеется, там есть весьма древние этнонимы *сербы* и *хорваты*, но один и тот же — в принципе — язык у хорватов до сих пор называется *хорватский* или *сербский*, у сербов — *сербский* или *хорватский*; до сих пор решающий дифференциальный признак между обеими нациями — культурный (католик — синоним хорвата, православный — синоним серба), далее, на том же языке говорят магометане Боснии и Герцеговины, т. е. в духе культурных противопоставлений — ни сербы и ни хорваты, наконец, там же есть известный процент лиц (носителей сербохорватского языка), которые — ни то, ни другое и ни третье («*neodređeni*» — «неопределенные»). К чему приводит такое исключительно сложное положение? Оно приводит к стихийному возрождению практики архаической доэтнонимической стадии, и в Югославии, стране развитых современных наций, приходится встречать обозначения типа «*naš jezik*» как в бытовой речи («*Kako li jero govorite na našem jeziku!*»), так и в научной (ср. журнал под названием «*Наш језик*»), чем как бы снимаются упомянутые противоречия.

Типология этногенеза: балто-славянские отношения

Конечно, на историзм и свой вклад в Историю заявляет права ряд общественных дисциплин, которые изучают соматического праславянина, праславянина — носителя культуры (культур), (пра)славянина — субъекта исторических аналов. Не повторяя здесь общих мест об известном примате языкознания в вопросах происхождения славян и вообще в вопросах этногенеза, все же отметим, что этногенетическая метрика славян-

ства восстановима прежде всего лингвистически. Лингвистически удается доказать, что славяне, образно говоря, не «внуки» скифов и не «дети» (западных) балтов, поскольку скифы были иранцами по языку, как это доказано достижениями сравнительного языкознания еще в прошлом веке, а славяне представляют свою собственную эволюцию индоевропейского лингвистического типа, отличную от балтийской, как это показывают современные фронтальные исследования славянского (и балтийского) словарного состава и словообразования, хотя бы по опыту подготовки нашего Этимологического словаря славянских языков (ср. об этом в предыдущих частях нашей серии «Языкознание и этногенез славян»¹). Важен учет не только балто-славянских лексических схождений (иногда называют внушительную цифру — 1600 таких соответствий), но и многих десятков и сотен коренных различий такого рода между балтийским и славянским. Разный инвентарь лексем для выражения одинаковых понятий, а подчас и различие самих принципов номинации в балтийском и славянском подтверждает правильность современного подхода, согласно которому словарные (и ономастические) данные весьма показательны для исследования лингво- и этногенеза (противоположное мнение сейчас можно встретить все реже и реже, так, на IX Международном съезде славистов с выражением недооценки лексических изоглосс для этногенетических исследований выступил, пожалуй, только П. Ивич). Правда, в этой массе нелегко ориентироваться, тогда как необходимо не только ориентироваться, но и найти объяснение фактам того и другого рода во времени и пространстве. Балто-славянские языковые и лексические отношения необходимо исследовать в ареальном плане, хотя для отдаленных эпох это очень трудно. Однако важно реальное допущение, что феномен родства и исконно родственного соответствия может оказаться потенциальным ранним заимствованием из одного близкого контактирующего диалекта в другой диалект. Большая близость балтийского и славянского не случайна, ее причина (одна из причин) коренится в давнем ареальном соседстве обоих, по крайней мере — с железного века, ср. прежде всего название железа, общее у славян и балтов, чем мы еще займемся в дальнейшем. Но, во-первых, при столь длительном соседстве (можно сказать, рекордном по длительности на фоне других эпизодов славянско-индоевропейских отношений), благоприятствовавшем сближению, эта близость могла бы быть даже большей, если бы тому не препятствовала исходная самобытность контактирующих языков. Во-вторых, именно большая ареальная и контактная близость тех и других языков как раз оборачивается помехой для суждений о генезисе явлений в смысле затруднительности разграничения исконного родства от вторичного (заимствованного) происхождения.

Поэтому, при всем богатстве темы балто-славянских отношений, балто-славянский случай явно проигрывает в смысле чистоты по причине означенных помех, если нас заинтересует типология этногенеза как путь к раскрытию неуникальности славянской языковой и этнической эволюции и динамики ввиду неконтролируемости и сомнительности всякой уникальности как таковой.

¹ Пользуюсь случаем, чтобы внести поправку в собственное изложение полемики по балто-славянскому вопросу на IX Международном съезде славистов (Киев, сентябрь, 1983 г.): я привел [см. 3] показавшееся мне, естественно, остро спорным устное высказывание Ю. В. Откупщикова (с которым мы оказались в остальном солидарны в критике ингредиентной теории славянского словарного состава у В. В. Мартынова) о том, что славянские языки можно отнести к балтийским языкам, а это, как выяснилось, было неточной (неполной) цитацией услышанного, что я и спешу здесь исправить.

Еще одно изложение ингредиентной теории см. в [4]. Автор — В. В. Мартынов — утверждает, что в период до установления отношений между западнобалтийским субстратом и «италийским» (венетским?) суперстратом «трудно говорить о существовании славянского языка». Однако этому отрицанию более глубокой собственной праславянской самобытности противоречит хотя бы выявление самим автором ряда таких древних элементов славянской лексики (проникших и в словарь древнегерманских диалектов), которые (правда, автор не высказывает сам этого наблюдения) не находят параллелей ни в балтийской, ни в италийской лексике. Ср. праслав. **zvalъ*, **plugъ*, **sedъlo*, **skopъ* «баран, овца», **skotъ*, если держаться в основном списка Мартынова. Стоит обратить внимание и на культурную значимость ряда перечисленных слов.

Более доказательными (и более чистыми) являются относительно более свободные аналогии, например, германо-славянские параллели, к которым мы намерены обратиться тем более, что предмет исследования в этом плане еще совершенно недостаточно. Этнокультурный и языковой планы при этом переплетаются. Следы древних германцев в северной части ФРГ и ГДР, а также в Дании (территории, обычно принимаемые за их прародину) обнаруживаются четко не сразу, о них считают возможным говорить лишь с появлением ясторфской культуры середины I тыс. до н. э. Однако при этом разумно считается, что появление четких культурных признаков само по себе еще не означает никакого *terminus post quem*, поэтому археологи отказываются от попыток датировать появление германского этноса в пользу признания идеи непрерывности развития местной культуры начиная с бронзового века.

Славянские археологи, ретроспективно изучающие эволюцию славянской культуры, сходятся как будто на том, что четкие славянские этнические признаки прослеживаются только с пражской культуры середины I тыс. н. э. Истоки этой культуры пока неясны, и в целом в славяноведении еще не получили должного развития представления о культурной непрерывности. Однако типологические соображения (приведенная выше германская аналогия) подсказывают нам элементарную неприемлемость стремлений датировать также появление славянского этноса. В предыдущих частях нашей серии по славянскому этногенезу мы уже высказывали сомнения в возможности определять абсолютные хронологические даты в этом вопросе; и ранние, и тем более — поздние даты такого рода не заслуживают доверия, поскольку, помимо общего неправдоподобия, опираются на случайные показания. В принципе случайный факт последнего упоминания племенного имени антов в первых годах VII в. н. э. еще не дает никакого основания для того, чтобы датировать точно этим временем, как это делал покойный историк В. Д. Королюк, не только распространение имени склавен (славян) на всех славян, но и «консолидацию» славянского этноса [5]. Для славян тоже все более очевидным становится вырастание из культур римского времени (как о том говорят, в частности, археологические работы последних лет [6]), железного века и более ранних, с локализацией этого процесса вблизи от Центральной Европы. Методика абсолютных датировок с точностью до года вообще выглядит грубовато, будучи не более как имитацией точного знания. Важно исходить из положения, что языковое и этническое развитие славян — это непрерывный процесс. Концепция непрерывности эволюции побуждает славистов пытливее изучать индоевропейскую проблему; она имеет непосредственное отношение и к такому феномену, как глубина этнической памяти, привлекающему сейчас внимание ученых [ср. 7, *passim*].

Этническая память и вопрос о древнем двуязычии

Дистанцию во времени и пространстве, которую дают нам типологические свободные германо-славянские аналогии, представляется иногда полезным — в духе сказанного выше — дополнить аспектом их общего прошлого, отступив, так сказать, в глубь праиндоевропейской древности. Мы достаточно подробно для наших целей реферировали ранее одну из крайних индоевропейских теорий — теорию вторичной индоевропеизации Европы с Востока в V—III тыс. до н. э., принадлежащую М. Гимбутас. Здесь остановимся только на одном аспекте — на том, что, согласно этой теории, носители индоевропейских диалектов пришли в «Древнюю Европу», имевшую иноязычное население. Проверяя эту теорию индоевропеизации якобы неиндоевропейской Европы, мы вправе ожидать от языка (языков) сохранения следов давней памяти естественного при этом дву-

язычия (индоевропейско-доиндоевропейский билингвизм)². Но оказывается, что таких следов нет, например, в германских языках. Пример с германским тут не случаен, потому что к неиндоевропейскому субстрату уже пытались отнести и германское передвижение согласных, и ряд германских слов, не имеющих индоевропейской этимологии (З. Файст), но это не подтвердилось и объясняется, по-видимому, прежде всего еще недостаточной исследованностью самой этимологии. Во всяком случае неиндоевропейская структура этимологически темных германских слов не доказана [9].

Некоторые пытаются, далее, представить древнеисландский миф о войне между асами (*Æsir*) и ванами (*Vanir*) как «реминисценцию поглощения туземного населения в новом обществе, установленном в германском мире индоевропейскими завоевателями» [10, с. 21]. Но и эта «первая война на свете» между асами и ванами слишком органически связана с собственно скандинавскими, германскими перестройками в мифологии, а, возможно, и в обществе, следовательно, видеть в асах древних внешних завоевателей у нас не больше оснований, чем у Снорри Стурлусона, который выводил буквально асов из созвучной Азии [11]. Вряд ли удачно поступают авторы, которые склонны разгадывать следы упомянутого древнейшего двуязычия в тех частях Эдды, где речь идет о разнящихся названиях предметов в языке людей, языке богов [10, там же]. Ни о чем подобном эта богатая метафорами поэзия, по-видимому, не свидетельствует, сильно напоминающая похожую мифологизацию синонимов — тоже в языке богов и в языке людей — у Гомера. В конце концов, и автор используемой нами здесь специальной статьи с характерным названием «Двуязычие и смена языков в отражении некоторых из древнейших текстов на индоевропейских диалектах» тоже заключает: «...я сказал бы, что в германском нет надежного свидетельства в пользу доисторического двуязычия!» [10, с. 22]. Еще менее вероятны следы упомянутого древнего индоевропейско-доиндоевропейского двуязычия в славянских языках. Имеющие сюда отношение попытки В. Махека вскрыть «праевропейский» слой дославянской лексики оказались безуспешными тем более, что в ряде случаев речь шла о словах, вполне удовлетворительно объясненных или объясняемых традиционным путем. Думается, что «праевропейские» этимологические сближения явно не связанных друг с другом слов **vēža* и нем. *Schweige*, **glogъ* и греч. *χράταιος* вряд ли пережили своего автора. Вывод отсюда может быть один: никаких следов древнего двуязычия нет и у славян.

Возможные ссылки при этом на забвение таких следов в языковой и этнической памяти не могут быть приняты. Не следует недооценивать ни глубину памяти языка и народной традиции, ни — соответственно — важности события (в данном случае — события, постулируемого теорией М. Гимбутас: покорения чужой страны, переселения в чужие земли). До нас дошла память этноса и языка об арийском разделе на иранцев и индоарийцев (не позднее II тыс. до н. э.). Следы индоевропейско-неиндоевропейского общения возможны, например, на такой п е р и ф е р и и, как Эгейское Средиземноморье, судя по неиндоевропейским догреческим элементам греческого словаря. Значительные события (крупнейшие войны, природные катаклизмы) помнятся чрезвычайно долго. Например, античные источники еще хранят память о прорыве морскими водами пролива Босфора (Боспора Фракийского), случившемся за 4—5 тыс. лет до н. э.

² Надо сказать, что теории первоначальной двуязычности (а также двуэтничности) занимают определенное место в проблематике и литературе этногенеза, ср. [8]. Справедливо считая предрассудком представление об этнической однородности древнейших народов, автор этой — скорее архивной — публикации, изданной через тридцать с лишним лет после написания, постулирует (в целом голословно) наличие монгольского и тюркского суперстрата, племенной и военной верхушки, над покоренными славянами: к этому восточному суперстрату он возводит и скандинавское племя русов «из бассейна реки Рось» (?). Л. Новак полагает даже, что более или менее значительные переселения славян были возможны только под командованием монгольской и тюркской правящей верхушки. В целом мы констатируем здесь возврат (в общетеоретическом плане) к теории Я. Пайскера, также постулировавшего эпоху тюркского ига у древнейших славян, несмотря на то, что Л. Новак отмежевывается от этой старой теории и ее «сомнительных аргументов лексического характера»

[см. 12]. Упомянутое гипотетическое древнейшее двуязычие было бы не старше образования Босфора, и то обстоятельство, что оно не оставило следов ни в языке, ни в древней традиции, делает приход индоевропейцев в Европу откуда-то извне маловероятным.

Продолжение поисков в Центральной Европе

Мы все больше обращаемся к концепции центральноевропейского, среднедунайского ареала индоевропейцев и славян — как продолжения части древнеиндоевропейских племен. В свете того, что известно о сложности именно индоевропейского этнического состава древней Центральной Европы, трудно согласиться с мнением, что «Западная и Центральная Европа еще долго после гибели древнебалканских культур в IV тыс. до н.э. остается неиндоевропейской, возможно, вплоть до II тыс. до н.э., когда начинается постепенное распространение по Европе „древнеевропейских“ диалектов — процесс „индоевропеизации“ Европы» [13, с. 118]. Определенно индоевропейские носители фатьяновской культуры проникли не позднее II тыс. до н.э. с территории Польши и других центральноевропейских районов в междуречье Оки и Волги [см. 14, 15] (через две с лишним тысячи лет этим же, по-видимому, традиционным путем прошли с Запада на Восток восточнославянские вятичи). Точно так же, по-видимому, еще в бронзовый век переселились с Балканского п-ова на Апеннинский индоевропейские племена иллирийцев-мессапов, тоже как бы оставляя у себя в тылу среднедунайский центр Европы (и их, очевидно, традиционный путь в точности повторили затем в новое время их иллирийские соплеменники — албанские переселенцы в Южной Италии). Эти центробежные отселения из внутриевропейских регионов, правдоподобно датируемые II тыс. до н.э. и характеризующиеся, к тому же, надежной индоевропейской атрибуцией (а примеры такого рода и близкие по эпохе можно было бы умножить), наглядно опровергают мысль об «индоевропеизации» Европы лишь со II тыс. до н.э.

Неслучайно поколения индоевропейцев продолжают искать начальную область формирования индоевропейских диалектов в Центральной Европе. В предыдущих частях настоящей серии говорилось о теории Боск-Жимпéry о первоначальном индоевропейском группообразовании в районе нынешней Чехословакии. Из современных советских (преимущественно археологических) работ можно указать сводки В. А. Сафронова о первоначальном ареале индоевропейской прародины в зоне распространения культуры Лендзел от Карпат и Судет на севере до Дуная на юге [16, с. 83; 17].

Из совершенно других — статистических посылок изучения лексической близости родственных языков исходит В. Маньчак, который помещает в междуречьях Одера, Вислы и Немана не только прародины славян и балтов (в общем — в соответствии с положениями польской школы автохтонистов), но и прародину всех индоевропейцев, вместе взятых [18, с. 29], с чем, конечно, нам трудно согласиться, ср. аргументы, приводимые также далее и свидетельствующие о вторичном освоении как славянами, так и другими индоевропейцами пространств к северу от Судето-карпатской гряды.

Среднедунайский ареал

Для нас одинаково важно и отсутствие памяти и ее наличие в других случаях. В древнерусской «Повести временных лет» Нестора написаны слова, которым навсегда суждено остаться краеугольным камнем теории славянского этногенеза: «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаевѣ гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска». Эти слова, к которым мы обращаемся неоднократно, слишком долго подвергались критике в новое и новейшее время со стороны школы Нидерле и других направлений. Всячески оспаривали древность пребывания славян на Дунае и толковали на все лады хотя бы этот знаменитый зачин *по мнозѣхъ*

же *временъхъ* («а по прошествии многих времен»), усматривая здесь то указание на предшествующую средневековую миграцию славян, то целиком книжные, библейские ассоциации. Суть же дела довольно проста. Нестор был добрым христианином, и его слова, внесшие такую смуту в ученые умы, — это всего лишь верность традиционному библейскому рассказу (книга Бытия, гл. 11) о Вавилонском столпотворении: бог рассеял языки, и о с л е д о в а т е л ь н о, действительно, разумно оказалось предположить немалое время, чтобы славянам оказаться на Дунае. Для нас важен не этот библейский фон, а действительная история, отраженная у Нестора. То, что эта история была реальной, поддается, несмотря на трудности, доказательству разными дисциплинами. Интересно привести здесь некоторые новые доводы современных историков, причем материалом для аргументации послужили те же исторические документы, которые Нидерле в свое время привлекал для опровержения Нестора. Одно из первых мест принадлежит при этом анонимному автору «Космографии» предположительно VII в. — Равеннскому Анониму, который повествует о том, что племя склавинов выпло из Скифии, которая помещается «в шестом часу ночи (т. е. севера)» (*Sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde Slavinarum exorta est prosapia. Ravennatis Anonymi Cosmographia, I. 11—12*). Слишком прямолинейная идентификация наукой нового времени оригинального деления Земли на часовые пояса у этого анонимного автора и отнесение Скифии к северо-востоку Европы, предложенные Нидерле, получили теперь всескую критическую оценку в работе современного историка Я. Бачича [19], который вскрыл зависимость этого Анонима от Иордана вообще (**Iordanus sapientissimus cosmographus*», *Rav. An.*, там же) и в частности — в его представлениях о Скифии. Иордан представлял северную часть ойкумены из двух частей — Германии и Скифии, которые встречались у Мурсианского озера в Хорватии; при этом, по Иордану, самым западным народом Скифии были германцы-гепиды, жившие в долине Тисы, притока Дуная. Кроме того, Бачич обращает внимание на дальнейший контекст самого Анонима, который помещает, далее, к востоку, «в седьмом часу ночи» сарматов и карпов, причем о последних известно, что они были обитателями горных карпатских склонов, обращенных к дунайскому бассейну. Все отмеченное делает вероятной не только по Нестору, но и по Равеннскому Анониму локализацию древних славян на Среднем Дунае. Бачич привлекает также свидетельство такого раннего автора, как Псевдо-Цезарий (между IV и VII вв.), о славянах, живущих рядом с фисонитами на Дунае (*Danubiani*); фисониты — это балканские и дунайские христиане, прозванные по мифической райской реке Фисон, метафорически отождествленной с Дунаем, и их соседство со славянами (именно соседство, а не подверженность набегам со стороны отдаленных славян) было бы невозможно, если бы славяне обитали к северу от Карпат [19, с. 153—154] [ср. с. 20, с. 85].

Для реабилитации несторовского предания делается и уже сделано, таким образом, много, но, конечно, многое также предстоит сделать, чтобы преодолеть этот бесплодный скептицизм. Порой аргументы приходится собирать по крохам, как, например, по вопросу о племенных названиях среднедунайских славян. Оспаривая дунайскую прародину славян, указывают, в частности, на то, что Нестор не назвал ни одного славянского племени на Дунае. Конечно, жизнь славян на Дунае знала свои потрясения, они, подвергшись давлению со стороны волохов-кельтов, частично ушли на Вислу. Вероятно, эти славяне или их часть (возможно, уже в своем перемещенном состоянии, а быть может, и до перемещения) звались какое-то время дунайскими славянами — название, имеющееся у Нестора именно в эпизоде о нашествии волохов. Это название по большой реке могло поддерживаться окрестными народами, ср. и *Danubiani* у Псевдо-Цезария (выше), относящееся к фисонитам, но, вполне вероятно, применимое и к склавенам. Из того, что еще дошло до нас по этнонимии славян на Дунае, кроме дунайцев, дунайских славян, можно назвать *нарци*: «Нарци еже суть словѣне». Повесть временных лет (Лавр. лет., л. 20б). Вполне вероятно, что так одно время обозначалась часть славян Панио-

нии, возможно, в непосредственной близости к римской провинции Норисум, Норик (часть современной Австрии). Ясно, что это был первоначально кельтский этноним *Norici*, зафиксированный у Полибия и Страбона [21]. Но вряд ли справедливо, вместе с тем, было бы подозревать нашего Нестора, назвавшего нарцев славянами, в каких-то политических амбициях; можно поверить, что Нестор отразил традицию того времени, когда этот первоначально кельтский этноним действительно был перенесен на славян. Вырисовывается вполне правдоподобная картина некоего этнонимического (и лежащего в его основе этнического) расслоения и противопоставления: *нарци* «славяне западной Паннонии и Норика», вероятно, к западу от оз. Балатон и с Дунаем непосредственно не связанные, и славяне дунайские. Поскольку эти племенные названия впоследствии были забыты, свидетельства Повести временных лет и в этом вопросе трудно переоценить.

Исследователи древней истории области Норик, территориально в значительной части совпадавшей с нынешней землей Нижняя Австрия и некоторыми другими районами к югу, отмечают, что название *Norici* вначале принадлежало одному местному кельтскому племени и явилось производным от местного названия *Noreia* или вместе с последним — от имени богини *Noreia*. Вассальное в отношении Рима Норикское царство обладало в местных масштабах значительной силой и весом, следствием чего явилось распространение племенного названия *Norici* на все население провинции Норик (было вытеснено, например, имя племени *Taurisci*). К началу новой эры Норикское царство распространилось до оз. Балатон, захватив, таким образом, северо-западную Паннонию. Расширительное употребление этнонима *Norici* в такой, судя по свидетельствам специалистов, этнически смешанной зоне, какой был Норик, вмещавший венетов, иллирийцев, позднее — кельтов [22], испытало тем самым еще большую инфляцию, потому что оказалось с какого-то момента перенесено и на часть славянских племен (в западной Паннонии?).

Сигнал связи славянских нарцев с кельтскими нориками не случаен, но целиком созвучен эпизоду о волохах, занимавшему нас уже ранее в серии по славянскому этногенезу. Если говорить о традиции этнической памяти (см. выше), то эпизод о волохах у Нестора внушает почтение своей относительной давностью, потому что речь должна вестись при этом о событиях еще I тыс. до н. э., причем в правильной лингвистической (этимологической) интерпретации несторовские волохи — это не римляне, не итальянцы и не соплеменники румын (молдаван), как чаще всего приходится читать в исторической литературе, опирающейся на поздние восточноевропейские значения слов *волохи*, *влахи*, а кельты-вольки [23]. Между кельтами и славянами было много различий — языковых, этнических, культурных. Еще одно существенное различие заключалось в том, что для кельтов Подунавье было ареной экспансии, а для славян это была своя земля. Если античные авторы еще знают здесь (скорее в Норике, чем в Паннонии) ряд кельтских названий племен и населенных мест, весьма богата античная латинская эпиграфика (с частыми вкраплениями преимущественно кельтских собственных имен) прежде всего Норика, затем Паннонии, то потом эти традиции адекватного продолжения не имеют; слишком тонок и недолговечен был этот языковой и этнический слой, стертый последующими наслоениями. Славянский слой в ономастике Подунавья существенно отличался тем, что непрерывно наличествовал здесь с древних времен, несмотря на иноязычные наслоения разных эпох, а также несмотря на предубеждения интерпретаторов (достаточно сослаться при этом на разноречивые суждения вокруг названия паннонской реки *Bustrius*, известного начиная с Равеннского Анонима, которое то приписывают иллирийцам, то робко догадываются о его полной славянской принадлежности ввиду изобилия рек и речек с названием *Быстрица* во всем славянском мире [24] ³), и в общем никогда полностью не прерывался, вопреки

³ «*Bustrius*, река в Паннонии, по древнеримским картам и дорожникам, из коих Гвидо Равеннский выписал это имя (Аноним. Rav. ed. Gronov. p. 779)» [25].

самым неблагоприятным условиям. Освоенная венграми вот уже более тысячи лет назад страна до сих пор имеет все же в значительной степени славянскую реликтовую гидро- и топонимию, хотя по установившейся антишафариковской традиции слависты нашего времени редко дерзают датировать славянские названия в Подунавье временем до «славянских миграций», ср. характерный в этом отношении тезис Яна Станислава: «Словаки сидят в дунайской котловине самое позднее с начала VI в.» [26].

Нам уже приходилось ранее [см. 27] приводить мнение югославского археолога Трбуховича о славянской принадлежности паннонцев I в. н. э., описываемых Дионом Кассием. В литературе отмечается отличие явно кельтской ономастики надписей римского времени в Норике от антропонимии эпиграфики, распространенной в большей части Паннонии [28]. Четкие прямые свидетельства о языке и этносе паннонцев в источниках отсутствуют. Только у Тацита (*Germania*) содержится упоминание о *lingua Pannonica* «паннонском языке», на котором якобы говорило племя *Osî* [29, с. 59—60]. Исследователь древней истории Паннонии А. Мочи представил распространение языков и племен в Паннонии на карте, где западнее, а отчасти и восточнее оз. Балатон нанесен ареал кельтского языка и этнонимы *Arabiates* и *Hercuniates*, с юга — ареал иллирийского языка (племена *Varciani*, *Colapiani*, *Oseriates*, *Cornacates*); опуская здесь менее существенный для нас юго-запад (Истрия, венецкий язык) и юго-восток с фракийским языком, обратим внимание на то, что исследователь оставил на карте непосредственные окрестности оз. Балатон как бы этнически незаполненными [29, с. 64, рис. 11].

Паннонцы характеризуются догосударственными особенностями социальной организации, чем, как думают, вызвано слабое и позднее упоминание их на политической арене. Может показаться не лишним интереса, что черты их быта, которыми история обязана в основном Аппиану, напоминают нам то, что другие древние авторы (Иордан, Псевдо-Маврикий) рассказывают о славянах — отсутствие городов, племенное разновластие [29, с. 21, 27].

В связи с этим, а также с крайней скудостью языкового материала той эпохи (эпиграфика, надо думать, была здесь, как, впрочем, и всюду, в руках культурно и политически преобладающих этносов, т. е. в данном случае — римлян и кельтов) полезно вновь обратиться к одной надписи II—III вв. нашей эры с территории Паннонии (точнее — из города *Intercisa* в Нижней Паннонии), которую в нашей литературе исследовал монографически покойный О. В. Кудрявцев [30, с. 103 и сл.]: *DEO DOBRATI EUTICES·SER(vus)·DE(dit)*. Надпись латинская, читается и переводится (уточнения — ниже) как: «богу Добрату Евтихий раб воздал (посвятил)». Надпись дана на барельефе, изображающем бога на лошади [30, с. 57]. Кельтская этимология имени данного бога (из **dобрато-*, **dубр-ато-*? «водяной, водный?», ср. кельт. **dubro-* «вода») маловероятна (автор ее и не рассматривает), поэтому можно согласиться в общем с мнением Кудрявцева, что здесь представлено образование от слав. *dobrъ* «добрый, хороший» в связи с наличием (по Кудрявцеву — проникновением) в Паннонии II—III вв. славян. В отличие от автора, мы полагаем, что *Dobrat-* отражает не славянскую форму с постпозитивным артиклем болгарского типа **добротъ* (Кудрявцев приводит для сравнения ст.-слав. *рабо-тъ*, *домо-тъ*), а праслав. **dobrotъ*, вариант на *-i*-основу к **dobrota*, ср. западославянские формы: чеш. диалектн. *dobrot'* «добро, благо», словц. диалектн. *dobrot'* «доброта, добро, благо», н.-луж. *dobroś* «доброта, добродушие; честность, goodness», польск. *dobroś* «доброта; хорошее качество, состояние» (ЭССЯ, вып. 5, с. 44). Сказанное согласуется и с морфологическим наблюдением самого автора, что латинизированную форму им. пад. надо восстанавливать (по дат. пад. *Dobradi*) скорее как *Dobrates* или *Dobratīs*. Последнее же вполне могло передавать праслав. **dobrotъ* или раннепраслав. **dǫbrǫtǫ*. Наконец, надпись в целом, кажется, дает нам в руки то, что можно считать глоссирующим контекстом. Имя раба — *Eutices*, т. е. греч. *Εὐτυχής*, достаточно распространенное в Римской империи и, видимо,

понятное в своем буквальном значении — «счастливый», «благополучный», образует неслучайно смысловую пару с именем божества *Dobrates/Dobratīs*, т. е., по-видимому, персонифицированное «Благо, Добро». Кем был этот раб по происхождению, неизвестно, но оставленная им надпись говорит о той степени осведомленности и понимания им местного языка, которая позволила ему обратиться к туземному божеству как к своему эпониму («Благо» — «благополучный»).

Разумеется, следует продолжать изучение структуры и динамики славянской ономастики Венгрии и прилегающего чешско-словацкого Подунавья. Но уже по богатым собраниям материалов в монографии Станислава «Словацкий юг в средневековье» бросается в глаза ее разнообразие, включающее различные славянские (не только словацкие) словообразовательные типы и аппеллативные связи. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что критика древнего дунайского ареала славян («донаучные воззрения» и т. п.) все больше обнаруживает свои инерционные качества. Сейчас наука способна противопоставить оппонентам в данном вопросе вполне зрелую и реалистическую концепцию, согласно которой от древнего ареала (топонимического, гидронимического) явления, вообще — от центра распространения не следует ожидать ни яркого изобилия, кучности чисто славянской ономастики, ни четкой продуктивности разных ее типов: и то, и другое характерно для зон экспансии. Локализация древнего ареала славян в Венгрии, Словакии, Моравии и некоторых прилегающих районах вовсе не влечет за собой утверждения, что там должна иметь место кучность однородных славянских географических названий; насколько нам известно, ее там нет, а, взамен нее, представлена та неяркая, как бы смазанная картина пестроты исходного славянского аппеллативного и словообразовательного инвентаря, которой как раз и следовало ожидать в центре распространения языка и этноса. На фоне этой характеристики дунайскославянской ономастики и Северное Прикарпатье, и Великопольша, и — само собой разумеется — сгустки славянской гидронимии на главных путях балканской миграции славян — все это периферийные вспышки колонизационного происхождения. Сосуществование славян в Среднем Подунавье также с другими индоевропейскими этносами отнюдь не исключается предыдущими рассуждениями и нашим положением о древности славянского ареала на Дунае. Ряд гидронимов, особенно в восточной части этого ареала, в бассейне Тисы, аллоэтничен (а, возможно, и в других местах, ср., например, определенно неславянское индоевропейское происхождение названия реки *Nitra* в Западной Словакии). Само название реки *Tisa*, далее — название реки *Темеш* обладают не славянскими, но явно индоевропейскими признаками происхождения, без четкой языковой характеристики, возможно даже, что они принадлежат к тому потенциально наддиалектному гидронимическому слою, который носит название «древнеевропейской» гидронимии: **tīsā* или **tisjā* «спокойная» или «просторная», «прямая», **tāmisjā* «темная» (тот факт, что эти названия характеризовали природные особенности объекта, позволяет отнести их к наиболее ранним из числа древнеевропейских гидронимов).

По-прежнему также оправданны поиски прямых следов и продолжений дакского языкового адстрата вроде уже идентифицированных нами ранее местных названий *Morimarus*, *Sarmizegetusa*. В этом же ряду может быть поставлено название города и ручья *Abrud* в Трансильвании, к юго-западу от Клужа: вероятно, из дак. **apa ruda* «аqua гирга». Цветообозначение связано, возможно, с золотоносностью, которую пытался осмыслить иначе — в связи с греч. ὄρυζον — Г. Шрамм [31, с. 187], что неубедительно. Этому же автору принадлежит мысль о сохранении в Трансильвании еще в XI в. дакского населения [31, с. 160].

Примерную карту древнего славянского среднедунайского ареала очертить трудно, потому что у нас недостаточно данных относительно его границ, да их, видимо, и не было в современном понимании. Ср. весьма показательное мнение специалиста по аналогичному вопросу: «Границы остроготской „империи“ не могут быть определены по той причине, что она таковых не имела» [32]. Можно лишь очень схематично попытаться изоб-

разить этот ареал с древним ядром в Среднем Подунавье и наиболее ранними иррадиациями на Север и Северо-Восток. Ясно, что наша карта древнейшего славянства принципиально отличается от большинства современных карт славянской прародины, помещающих эту прародину (начиная с Нидерле) к северу от Карпат, с ее крайними вариантами — среднеднепровским, припятско-полесским, висло-одерским, включая компромиссный вариант Т. Лер-Сплавинского — от Одера до Днепра. Думается, что только центральноевропейская, среднедунайская концепция праславянского ареала полнее соответствует этимологически вскрываемым древним общениям славян с древними италиками, германцами, кельтами, иллирийцами.

Дальнейшее о среднедунайском центре праславянских фонетических инноваций

В предыдущей части нашей работы [см. 33] было обращено внимание на ценные наблюдения Т. Милевского о центре позднепраславянских фонетических инноваций в Паннонии. В том же направлении ориентируют нас и разыскания других ученых по самостоятельным, хотя и смежным (фонетическим) вопросам. Здесь уместно назвать работы И. Марвана над генезисом стяжения (контракции) в славянском, в которых говорится о праславянской древности явления. И если мнение автора о стяжении как одним из главных факторов разделения праславянского языка кажется преувеличенным и в принципе едва ли удачным, то его главный вывод о том, что фокусом (географическим центром) явления была территория исторической Великой Моравии, т. е. чешские и примыкающие к ним говоры, интересен в плане наших поисков [см. 34, 35]. Современная научная критика с вниманием отнеслась к лингвогеографическому решению проблемы Марваном, а также к его хронологии явления, согласно которой «зарождение праславянского стяжения приходится на вторую половину IX в.» [36].

Не оставляя фонетического аспекта, мы вправе обратить внимание, далее, на то обстоятельство, что наша более южная локализация праславянского ареала позволяет лучше осмыслить природу некоторых схождений славянского и латинского, которые иначе пришлось бы в лучшем случае трактовать как чисто типологические. Однако теперь имеются основания для более реального объяснения этих схождений как ареальных. Я имею в виду близкое переходное смягчение (палатализацию) задненебных, на что уже указывалось и раньше, ср. [37, с. 112—113]: «На большей части народнолатинского ареала веллярные смычные *k* и *g* подверглись аффрикации перед передними гласными *e* и *i*, аналогичной так называемым палатализациям в славянском». Балканская латынь адриатического побережья и позднейший далматинский не знали этого переходного смягчения, как и архаичный в этом отношении сардинский⁴, в остальном ареальное распространение этого явления весьма очевидно, причем в ряде случаев — под влиянием славянского, например в румынском [37, с. 121]. Можно здесь напомнить, что подобные палатализации «славянского типа» в принципе несвойственны для таких близкородственных языков, как балтийские, и их появление там (ср. палатализации задненебных в латышском) есть результат вторичного славянского (русского) влияния.

Вообще, надо сказать, латынь, в том числе латынь народная, в глазах одних (все реже) — конкретная и реальная, благодаря наличию письменности, а в глазах других (все чаще и чаще) — неосоздаемая, зыбкая, непознаваемая (В. Машчак: «миф о „народной“ латыни»), спорная, как оказывается, по причине вскрываемого отсутствия единства и однородности [см. 39, *passim*], — всемогущая латынь и ее история, как подсказывает опыт последних десятилетий, не только учит нас, славистов, но и сама могла бы обогатиться уроками праславянской диалектной сложности, чтобы с их помощью преодолеть собственный кризис концепции стабильного древнего «языка-мумии».

⁴ Ср. [38], впрочем, автор, похоже, недооценивает эти различия внутри романского ареала.

Но вернемся к германо-славянским аналогиям. Эти аналогии позволяют понять динамику славянского ареала, иначе во многом неясную. Речь идет прежде всего о древней своеобразной подвижке ареала Юг ↔ Север, которая коснулась не одних только славян (о ней отчасти помнит и повествует Нестор в своей летописи: «Когда волохи совершили нашествие на дунайских славян и расселились среди них и притесняли их, славяне те пошли и поселились на Висле»), но и германцев. Например, Скандинавия, юг которой часто включают в прародину германцев, была освоена ими вторично, с Ютландского п-ова и материка, недаром герм. **skadin-aujō* (откуда латинизированное *Sca(n)dinavia* со времен Плиния) этимологически значит «пагубный остров», или «пагубный берег», «Schaden-au». Так свою исконную родину не называют, а называют вновь освоенные, чужие, неприветливые места. Раньше германцы сидели южнее, общаясь с кельтами, древняя прародина которых, вероятно, помещалась на юге современной Западной Германии. Но потом и германцы, и сами кельты, и иллирийцы (иллиро-венеты), следы которых в географических названиях находят вплоть до южных берегов Балтийского моря, двинулись на Север. Почему? Возможно, для освоения новых пригодных для жизни пространств после отступления последнего оледенения. Возможно, что были и другие причины. Не на все вопросы пока можно ответить сейчас. Ясно одно: подвижка Юг ↔ Север (символ ↔ передает у нас как поступательный, так и возвратный характер этой подвижки, о чем — ниже) была крупнейшим историческим эпизодом в жизни древних индоевропейских племен Центральной Европы. Ясно также другое. Пока предельный возраст образования индоевропейских диалектов измерялся округленными датами не древнее 2000 г. до н. э., индоевропейцев сравнительно мало интересовала история древнего климата, и некоторые гипотезы включали Север Германии в искомую индоевропейскую прародину. Но в наше время вся индоевропейская датировка пересматривается в сторону удрежнения, причем и III и IV тыс. до н. э. не кажутся предельно древними в жизни индоевропейских диалектов. Поэтому сейчас уже трудно не считаться с указаниями, что на север от Судет и Карпат простиралась первоначально зона оледенения, заселение которой, как предполагают, началось лишь с 4000 г. до н. э. [40]. В западную (эльбско-везерскую) часть этого ареала достаточно рано проникают древнегерманские племена. Кельты, по всей вероятности, никогда не заходили так высоко на север, поэтому тезис Шахматова (в цитируемой нами статье) о кельтах на берегах Балтийского моря звучит сейчас неправдоподобно. То же можно утверждать о древнеиталийских и прагреческих племенах, а также о некоторых других индоевропейских группах. С другой стороны, достаточно рано распространились на европейский Север (его одерскую часть) древние иллирийцы (иллиро-венеты), называвшие море особым диалектным словом **daksā* (< **dapsā* < **daub-s-ā*), следы которого отыскиваются в германской Прибалтике и в Чехии, и в исторической Иллирии (на юг — вплоть до Эпира), о чем я уже писал ранее. Разумеется, на означенном европейском Севере выявляются и другие географические названия иллиро-венетского происхождения, и само имя этого этноса — венеты — свидетельствует об исторической достоверности этого древнего народа, по которому позднее германцы с запада прозвали новых насельников этих мест — славян. Важно иметь в виду, что славяне были не первыми колонизаторами висло-одерского региона, так как они пришли сюда (помимо конкретного политического давления, как в случае с волохами, могли сказаться и общие тенденции в духе европейской подвижки Север ↔ Юг), когда эти земли уже имели индоевропейское население. Любопытно, что это признают и представители польской автохтонистской школы славянского этногенеза. В качестве примера можно сослаться на покойного С. Роспонда, который в специальном обобщении на тему «Праславяне в свете ономастики» [41], неизменно отстаивая висло-одерскую теорию, допускает неславянское, точнее — дославянское, не-

нетское, «загадочное» происхождение многих гидронимов на этих территориях: *Drawa, Drama, Nisa, Kwisa, Wisa, Osa, Wierzycza, Noteć, Nieca, Gwda, Kwa, Wkra, Bzura, Jana, Nida, Ina, Mroga, Srem*. В число до с л а в я н с к и х названий этих мест, безусловно, попадают и названия «древне-европейского» вида, без четкой языковой характеристики, как, например, *Drwęca*, приток Вислы, которую еще Шахматов сближал с кельт. *Druentia*. Только признав наличие дославянского индоевропейского слоя в междуречье Вислы и Одера, можно правильно объяснить отмеченные на этих землях Птолемеем (II в. н. э.) совершенно не славянские, но явно индоевропейские названия народов, как, например, «ἀρβωρες» и др. При этом вовсе не обязательно связывать приблизительно «похожие» племенные названия — птолемеевских буланов и польских полян и как-то пытаться объяснить одно из другого; они принадлежат разновременным и независимым индоевропейским потокам.

То, что вислинские славяне шли от истоков к устью главной польской реки, постепенно осваивая висло-одерское междуречье на север и северо-запад, подтверждает, как нам представляется, территориальное распределение названий *Małopolska* (юг) и *Wielkopolska* (вторично освоенный Северо-Запад). Таково обычно типологическое свидетельство географических названий с атрибутом «Велико-, Великая»: это, как правило, зоны экспансии. Интересно, что *W i e l k o p o l s k a* «Великопольша», в какой-то мере покрывается с такой вторично освоенной германской периферией, как *M a g n a Germania*, название земель к востоку от Одера, ср. сюда же, видимо, приуроченное название страны *Mæ g h þ a land* «великая страна?» (ср. др.-в.-нем. *maht*, гот. *mahts* «сила, мощь, величина») в описании Германии англосаксонского короля Альфреда (IX в.), — все вместе применительно к стране, которая в разное время была зоной экспансии как для германцев, так и для славян.

Таким образом, продвижение славян из Подунавья на Вислу, а также в сторону Правобережной Украины укладывается в широкие рамки северной подвижки многих индоевропейских племен, из которых часть предшествовала славянам, часть шла следом. Весь этот древний индоевропейский этап наиболее закономерно смотрится из Центральной Европы и со Среднего Дуная.

Изложенные выше соображения оказываются весьма созвучными археологическим данным о проникновении культуры воронковидных кубков с территории Чехии и Моравии вторично в Малопольшу (откуда позднее — на Украину). В общей перспективе для нас важно, что для ассоциируемых с индоевропейцами воронковидных кубков как в Чехии, так и в Средней Германии «имеет место расширение культуры на север», что археология при поддержке радиоуглеродной датировки свидетельствует «о продвижении носителей культуры воронковидных кубков на север и в восток», что «ранний период культуры воронковидных кубков в Дании и Южной Швеции датируется в пределах 3000—2300 гг. до н. э.», а также то, что в этих северных германских странах у этой пришлой культуры нет корней, и главное — что наиболее древним ядром этой культурной экспансии является соответствующая культура на территории Чехии IV тыс. до н. э., где она коренится в еще более древней местной культуре Лендшел в Венгрии, Словакии, Моравии, Верхней Силезии V—IV тыс. до н. э., соотносимой с индоевропейской пракультурой [см. специально 16, с. 60—66].

Как и следовало ожидать, и германцы, и иллирийцы, и сами славяне, храня память о своих древних местах обитания, а также, возможно, под воздействием более сложного комплекса причин, пытались вернуться потом назад, на Юг. Некоторые индоевропейские племена (италики, иллирийцы, греки) углубились при этом в прежде чуждое для индоевропейцев Средиземноморье. Возвратная южная миграция славян развернулась уже на глазах письменной истории около середины I тыс. н. э. и тоже сопровождалась занятием прежде чужих земель на юг от Дуная. Важно то, что эта южная миграция славян была в своей первоначальной сущности возвратной. Рассматриваемое в общей перспективе

неоднократное движение славян к северу и к югу делается понятнее и утрачивает загадочность и произвольность в свете кратко приведенных выше германских и других индоевропейских аналогий.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Georgiev V. I.* Illyrier, Veneter und Urslawen.— Балканско езикознание, 1968, XIII, 1, с. 12.
2. *Rospond S.* Etnogeneza Słowian w świetle stratygrafii leksykalnej i strukturalno-onomastycznej.— In: Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1983, s. 314.
3. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян.— ВЯ, 1984, № 2, с. 19.
4. *Martynov V. V.* Vprašanje glotogeneze Slovanov.— Slavistična revija, 1984, letnik 32, št. 2, s. 69 и сл.
5. *Королюк В. Д.* Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение славян в Подунавье и на Балканы.— Симпозиум по структуре балканского текста. М., 1976, с. 24.
6. *Седов В. В.* Конгресс по славянской археологии.— Вестник АН СССР, 1981, № 5, с. 99.
7. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
8. *Novák L.* Vznik Slovanov a ich jazyka (Základy etnogenézy Slovanov).— Slavica Slovaca, 1984, ročn. 19, 3.
9. *Polomé E. C.* The etymological dictionary of Dutch: an analysis of the work of Jan de Vries.— In: Eichstätter Beiträge, 8 (= Das etymologische Wörterbuch. Fragen der Konzeption und Gestaltung. Hrsg. Bammesberger A.). Regensburg, 1983, p. 218—219.
10. *Polomé E. C.* Bilingualism and language change as reflected by some of the oldest texts in Indo-European dialects.— In: Northwestern European language evolution. V. 1. Odense, 1983.
11. *Piekarczyk S.* Mitologia germańska. Warszawa, 1979, s. 110.
12. *Топоров В. Н.* Фрак. Βυζάντιον в индоевропейской перспективе.— В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, с. 145.
13. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (По поводу статей И. М. Дьяконова).— ВДИ, 1984, № 2.
14. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972, passim.
15. *Häusler A.* Zu den Beziehungen zwischen dem nordpontischen Gebiet, Südost- und Mitteleuropa im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit und ihre Bedeutung für das indogermanische Problem.— Przegląd Archeologiczny, 1981, 29, s. 119.
16. *Сафронов В. А.* Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983.
17. *Сафронов В. А.* Кавказ в раннебронзовую эпоху и проблема локализации индоевропейской прародины: Тезисы и доклады конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока». Ч. I. М., 1984, с. 85.
18. *Mańczak W.* Sur l'habitat primitif des Indo-Européens.— Baltistica, 1984, XX, 1.
19. *Bačić J.* The emergence of the Sklabenoi (Slavs), their arrival on the Balkan peninsula, and the role of the Avars in these events: revised concepts in a new perspective: Columbia university Ph. D. 1983.— Ann Arbor (Michigan), 1984, p. 167 и сл.
20. *Новаковић Р.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво (Историјско-географско разматрање). Београд, 1978.
21. *Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. Bd. II. Graz, 1962, стлб. 762.
22. *Alföldy G.* Noricum. London — Boston, 1974, p. 15, 17, 27, 41.
23. *Schachmatov A.* Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen.— AfslPh, 1911, XXXIII, S. 54.
24. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I—III веках. М., 1973, с. 23.
25. *Шафарик П. И.* Славянские древности. Пер. с чеш. И. Бодянского. Т. I. Кн. II. М., 1837, с. 120—121.
26. *Stanislav J.* Slovenský juh v stredoveku. I. diel. Turčiansky sv. Martin, 1948, s. 7.
27. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян.— ВЯ, 1984, № 5, с. 9, примеч. 22.
28. *Polomé E.* The linguistic situation in the Western provinces of the Roman Empire.— In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Hrsg. von Temporini H. und Haase W. II. Berlin — New York, 1983, p. 536.
29. *Mócsy A.* Pannonia and Upper Moesia. A history of the Middle Danube provinces of the Roman Empire. London and Boston, 1974.
30. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957 (см. специально раздел «Deus Dobratez»).

31. *Schramm G.* Eroberer und Eingessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981.
32. *Maenchen-Helfen O. J.* The world of the Huns. Studies in their history and culture. Los Angeles — London, 1973, p. 25.
33. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян.— ВЯ, 1984, № 3, с. 21.
34. *Marvan J.* Prehistoric Slavic contraction. The Pennsylvania State University Press, University Park and London, 1979, p. 166.
35. *Магван И.* Русское стяжение и славянская донсторическая контракция.— In: Melbourne Slavonic studies, 1973, № 8, p. 5 и сл.
36. *Moszyński L.*— Rocznik Slawistyczny, t. XLIII, cz. 1, s. 38.— Rec.: *Marvan J.* Prehistoric Slavic contraction, 1979.
37. *Bidwell Ch. E.* The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loans from Vulgar Latin.— Word, 1961, v. 17, № 2.
38. *Mańczak W.* Les langues centum et satem.— In: Langues et cultures. Mélanges offerts a Willy Bal. 3. Linguistique comparative et romane (= Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain 10, 1984), p. 179.
39. *Väänänen V.* Préroman — protoroman — latin vulgaire.— Neuphilologische Mitteilungen, 1984, LXXXV, 1.
40. *Nalepa J.* Miejsce uformowania się Prasłowiańszczyzny.— Slavica Lundensia, 1973, 1, s. 60.
41. *Rospond S.* Prasłowianie w świetle onomastyki.— In: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 1965. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 134—135.